

Андрей Другов

Любовь и война

Андрей Другов

Любовь и война

«Издательские решения»

Другов А.

Любовь и война / А. Другов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747232-0

Роман о войне и великой силе любви. Человечество с незапамятных времен вело кровавые войны на истребление друг друга. Автор ставит вопрос о необходимости уйти от практики вести войны на истребление рода человеческого.

ISBN 978-5-44-747232-0

© Другов А.
© Издательские решения

Любовь и война

Андрей Другов

© Андрей Другов, 2017

ISBN 978-5-4474-7232-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шёл Тысяча Девятьсот сорок третий год. Только что отгремела Сталинградская Битва.. До Курской битвы был ещё месяц. До Победы было ещё очень далеко. Шло лето. Июнь 1943 года. По обочине дороги шло переформированное подкрепление на фронт, в составе усиленной роты. Во главе колонны на коне ехал командир роты, уже повоевавший фронтовик-капитан Белозёров Михаил Николаевич. Высокого роста под сто восемьдесят сантиметров, грубое, обветренное лицо, глаза светло-коричневые, нос правильной греческой формы, брюнет с усами.

На груди были ордена «Красного Знамени», «Красной Звезды», два ордена «Ленина» и медаль «За отвагу». В колонне было видно много безусых юношей. Лишь изредка появлялись лица повоевавших солдат. Рота возвращалась после отдыха и переформирования на фронт. Большинство было вооружено трехлинейками, были видны и автоматы ППШ. Над колонной раскачивались ручные пулемёты. Везли на двуколках два пулемёта «Максим». Впереди колонны шли ротные запевалы. Было весёлое настроение.

Можно было говорить о том, что мы не только отступать умеем, но и бить фашистскую гадину, и бить сильно. После Сталинградской Битвы, появилась уверенность в своих силах. На синем небе – полыхающее огнём июньское солнце да редкие, развеянные ветром, белые облака. А по сторонам – словно вымершая от жары степь: высохшие травы, неясно блистающие солончаки, нечетко выглядящие дальние курганы и такая тишина вокруг, что издали слышны трели жаворонков и посвисты сусликов. Ветер вылизал дорогу, начисто убрал и унёс пыль. Неожиданно гулко зазвучали на земле до этого почти неслышные, тонувшие в пыли шаги. Уже виднелось село Мгловка – село числом сто пятьдесят изб, окружённых садами, кое-где виднелись сожжённые дома- и широкая степная речка. «Товарищ капитан, когда отдых, а то идем-идем уже восемь часов без перекура» -раздался весёлый голос из колонны. «Сейчас, дойдём до наших, и отдохнем. Михайлов это ты что ли?» «Я, товарищ капитан, есть уже охота. Кишка кишку допрашивает уже». «Разговорчики в строю, прекратить, а то не посмотрю, что ты со мной с сорок первого года. Не баламуть молодёжь мне». «Сейчас ребята, отдохнем, деревня уже виднеется, где свои, там и отдохнем, пообедаем. Ротная кухня и снабженец там уже, выехали раньше нас». Молча шагавшие бойцы, оживились. Послышались голоса: – «Должен бы привал тут быть». – «Ну, а как же иначе, отшагали с утра километров сорок» Сзади колонны кто-то звучно почмокал губами, сказал сиплым голосом- «Холодной водицы по полведра бы на брата». Миновав сожжённую ветряную мельницу, вошли в село. В селе где-то прокукарекал оставшийся в живых Петух – хитрец, избежавший попадания в суп или на второе. За палисадниками сонно склоняли головки разнообразные цветы, чуть приметно шевелилась белая занавеска в распахнутом окне. На площади, густо заросшей лебедой, снова умолкли, оборвались мерные шаги пехоты. Слышно было только, как шаркают по сапогам поникшие, тяжёлые метёлки травы, да к удушливому запаху пыли примешался аромат доцветающей и сохнущей лебеды. Во дворах, вплотную к стенам сараев, стояли автомашины медсанбата, по улицам ходили сапёры, доверху нагруженные трёхтонки везли по направлению к речке свежераспиленные доски, в саду, неподалёку от площади, расположилась зенитная батарея. Командир

восемнадцатого стрелкового полка встретился возле избы, где адъютант поливал ему на руки. Он проводил утреннее умывание. Адъютант поливал ему бережно, экономя тёплую воду. Офицер был полураздет. На поясе было завязано вафельное белое полотенце, загорелые, мускулистые руки бережно проводили по лицу, обмывая водой лицо. На теле, покрытом шрамами от ранений, были видны капельки воды. Закончив утреннее обмывание, полковник развязал полотенце, которое было обёрнуто вокруг талии, и начал обтирать тело и лицо, одновременно массируя поверхности. Одел майку. Снял с изгороди поглаженную гимнастёрку с погонами полковника, надел гимнастёрку. Перепоясался португеей. Затем офицерскую фуражку. Представим нашему читателю товарища полковника-Звали его Владимир Алексеевич Арбатов. Происходил он из разночинцев, отец бывший военный, да, по сути, по всей родословной у него все предки служили Российской Империи, дослуживались до средних офицерских чинов-но выше полковника, так никому и не доводилось дослужиться. Родом из славного города Санкт-Петербурга. Внешность у него была плотного телосложения, высокого роста. Рост сто восемьдесят сантиметров. Лицо овальное. Нос картошкой. Под носом были красивые усы, глаза темно-зеленые. На лице был с правой стороны шрам от удара шашкой, который вёл от виска ко рту, который получил ещё в первую мировую войну. Перед самой войной в тысяча девятьсот тридцать седьмом году довелось по доносу посидеть в «Зоне» по политической статье- «пятнадцать седьмая» восемь лет, но сердцем не озлобился, не затаил зла на свою родину-Россию, Советский Союз.,и в самом начале Великой Отечественной войны в связи с острой нехваткой высококвалифицированных кадров-офицеров. Был выпущен из «Зоны» и направлен на фронт офицером в чине старшего лейтенанта в тысяча девятьсот сорок первом году- осенью. Белозёров остановил коня, слез и привязал к коновязи. Оправился, смахнул пыль с сапог, подтянулся и строевым шагом подошёл к командиру полка.

«Товарищ полковник Владимир Алексеевич, разрешите доложить сто тридцать седьмая рота восемнадцатого стрелкового полка, прибыла в точку назначения. Деревня Мгловка Белгородской области». «Давай Михаил Николаевич, располагай свою роту, пока что на улице и заходи ко мне, как раз обед».

Через пять минут, Михаил Николаевич отдав команду о расположении роты на отдых, отдал приказ старшине накормить людей и раздать «наркомовские» и нуждающимся сигареты. Постучал в дверь дома, где находилось командование полка. «Да-да Михаил Николаевич, заходи». На обеденном столе стояла кастрюля с супом, и нарезанный ломтями ржаной хлеб, лежали очищенные луковицы лука, перья зелёного лука, клубни чеснока и свиное сало. Рядом стояли два гранённых стакана с «наркомовскими». Поставили второй обеденный прибор для Белозёрова. Пообедав. Приступили к обсуждению задач.

Убрав со стола, и постелив штабные карты, приступили к обсуждению планов.

«Ну, сегодня моего начальника штаба не будет. А равно как комиссара полка и особиста. Нет сегодня их здесь. Придётся мне самому знакомить тебя с твоей задачей. Ну, смотри Михаил Николаевич вот наша высота сто девяносто шесть, я твою роту отправляю туда. Да заодно сменишь сто сорок пятую роту. Михаил Николаевич, у тебя сейчас свежий состав, так что я тебя поставлю на самый тяжёлый участок полка, а то и армий. Командование армией, приказало укрепить участок армий, на высоте сто девяносто шесть. Оборону примешь у сто сорок пятой роты, на высоте сто девяносто шесть, внизу немцы. В последнее время проявляют там активность, присмотришь там, разведку поглубже к немцам в тыл, да у тебя и самого опыт есть по этим делам. Эта высота очень важна как для нас, так и для фашистов. В своё время при взятии высоты положили там много бойцов, так что необходимо держаться за высоту, держаться. Понятна задача! Завтра пойдёте с утра на смену. А сейчас временно расквартируй свою роту и отправь вестового до командира сто сорок пятой роты. Дам взвод бронебойщиков в команду. Желаю удачи. До свиданья». «Владимир Алексеевич, а командир сто сорок пятой

роты -Симонов Алексей Федорович? Давно его не видел. К черту. До свиданья». «Да он Симонов Алексей Фёдорович».

В этот момент в дверь постучали, и вошла девушка. «Принимай, новую санинструкторшу, как раз твоя землячка, из Москвы, младший сержант Смирнова Татьяна Васильевна». «Товарищ полковник разрешите обратиться к товарищу капитану —обратилась девушка, и вслед за разрешением полковника обратилась к капитану-«Товарищ капитан, младший сержант Смирнова Татьяна Васильевна». Представилась молодая, высокая и стройная, элегантно одетая красивая блондинка с синими, лучезарными глазами в хромовых сапожках. Она была одета в зелёную гимнастёрку и тёмную, тщательно выглаженную юбку. У неё было овальное лицо. Носик пуговкой. На щёчках ямочки. Когда улыбалась, у неё образовывалась очаровательная улыбка, показывая ровные, белоснежные зубки. Волосы мягкими, волнистыми волнами опускались по бокам головы, спадая на плечи, прикрывая погоны младшего сержанта. «Товарищ капитан. Мне нужна подвода для перевозки медикаментов, специального инвентаря и мебели. Мебель- санитарные комоды, раскладушки, стол и табуретки». «Понятно, постараемся обеспечить».

«Товарищ полковник, разрешите уйти» -и, откозыряв, капитан и младший сержант вышли в дверь -и длинным коридором вышли на улицу. Пошли по улице. «Колька» -позвал Михаил Николаевич ординарца. «Я, здесь товарищ капитан, тут нам, нашей роте отвели дома переночевать, мы уже начинаем разводить ребят по домам». -отдал честь маленький, юркий старший сержант. Его внешность была черноволосый с проседью в волосах, лет тридцати. Глаза светло-коричневые. Пилотка на голове сидела заливчатским образом, набекрень. На груди медаль «За отвагу». «Колька» —ещё раз произнёс капитан.-«Ребята пообедали? Продолжайте расквартировывать личный состав по свободным домам.. Найди телегу с лошастью и ездового для младшего сержанта. Она будет отвечать за медицинское обслуживание в нашей роте. Познакомь Татьяну Васильевну с её подчинёнными санитарями -их у нас трое санитаров. Давно просил товарища полковника о санитарном инструкторе. Предупреди всех офицеров, подъём завтра полтретьего на построение. Чтобы фрицы не пронюхали, что на смену пришли. До завтра, Татьяна Васильевна. Да, кстати, найди мне старшину-снабженца. Я буду здесь. Посижу вот на скамейке, в тенике, под яблоней. Всех сюда». «До свиданья». -одновременно вымолвили капитан и младший сержант. Постоял на улице, закурил. Проводил глазами девушку. Пока ждал, несколько раз перекурил, обдумывая все планы и все услышанные сегодня слова. Через полчаса к нему подошёл лейтенант. Мужчина, полненький, с лысиной на голове -в очках. Высокого роста. И представился. «Здравствуйте, я Бахромеев Сергей Вадимович. Командир взвода бронбойщиков. По приказу товарища полковника. В ваше распоряжение». «Здравствуй. Я капитан Белозёров Михаил Николаевич. Вы очень нам нужны будете в бою.. Поставь солдат на довольствие, у моего старшины. А вот и старшина кстати». «Товарищ капитан, а мне что делать» -сказал пожилой в годах, умудрённый жизненным опытом, подошедший к ним старшина. Старшину в роте все звали уважительно Григорыч. Ему было сорок девять лет. Его внешность была среднего роста, худощавый, но мускулистый. Квадратное морщинистое лицо. Тёмно-синие глаза смотрели с хитрецей, как бы говоря – «Ну-ка, что ты выкинешь, какое коленце отчебучишь». Родом из крестьян. Домовитость и хозяйственность были присущи этому человеку. «Григорыч, возьми на складах побольше боезапаса, сухпайков, курева и все остальное -и не забудь, нам придали взвод бронбойщиков. Ну вообще загрузись по полной. Вот познакомься командир бронбойщиков лейтенант Бахромеев Сергей Вадимович».

Свечерело через три часа. Выставив дозорных, в роте поужинав пораньше легли спать. Михаил вскоре проснулся. Посмотрел через окно. Предутренняя темнота. Было по ночному прохладно. Ветерок шевелил листья яблони. Где-то неподалёку ворковала голубка, и, заглушая её, работал мотор трактора. В саду пахло засыхающей травой, дымом и пригорелой кашей. Около полевой кухни, широко расставив кривые ноги, стоял солдат. Он курил и лениво переру-

гивался с толстым поваром, в белом халате и колпаке. — «Снова каши с тушёнкой наварил, черпак? Никак опять американская тушёнка. Лучше бы второй фронт открыли». — «Опять. А ты не ругайся, баламут» — «Вот где у меня сидит твоя каша, понятно?» — «А мне наплевать, где она у тебя сидит». — «Ты не повар, а так, черт знает что. Никакой выдумки не имеешь, никакой хорошей мысли у тебя в голове нет. Неужели ты не мог в этом селе овцу или свинью выпросить так, чтобы хозяин не видал? Свежее мясо оно всё-таки получше будет. Чем консервы. Щей бы хороших сварил, второе сготовил. Побаловались бы горячим». — «Слушай Петя, а ты случайно не эгоист, а то слышали мы таких. А ты видел, сколько домов в селе сожжено, наверняка фашисты при уходе разграбили всё подчистую. А не они так наши передовые части, оставшиеся без продовольствия. Нам самим надо помогать местным жителям. А ты говоришь свинью или овцу. Стыда у тебя нет, как я погляжу». — «Неделю, кроме пшённой каши, ничего от тебя не получаем, так делают порядочные повара? Сапожник ты, а не повар!» — «А тебе что, антрекота захотелось? Или, может, свиную отбивную?» — «Из тебя бы отбивную сделать! Больно уж материал подходящий, разъелся, как комендант!» — «Ты поосторожней, Петька, а то ведь у меня кипяток под рукой... В медсанбат-то ходил?» — «Ходил». — «Ну и что?» — «А ничего. Просто прогулялся по селу». — «Чего же ты гулял?» Петров притворно зевнул, помолчал. Улыбающийся повар — по фамилии Кондратюк, подбоченясь, смотрел на него, ждал ответа. — «Так просто ходил, знакомых искал» — равнодушно сказал Петров. — «А там одна была славненькая... Не клонула?» — «Я и не старался, чтобы клонуло». — «Ну, ты это брось! Я видел, как ты сапоги травой начищал, и медаль свою тряпочкой надраивал. Не помогла, стало быть, и медаль? Да и как она тебе поможет? Будь у тебя, допустим, ордена, вон как у капитана нашего тогда другое дело, а то, подумаешь, невидаль — медаль за отвагу! Там, браток, не с такими орденами попадают». — «Дурак, — беззлобно сказал Пётр Михайлович Петров, но его звали все просто Петька — Говорю тебе, что и в мыслях ничего не держал, а так просто прошёлся по селу. После твоих харчей не очень-то разгуляешься. Последнее время я до того отошал, что даже супругу во сне перестал видеть». — «А что же тебе снится, герой?» — «Постные сны вижу, всякая дрянь снится, вроде твоей каши. Фашисты чёртовы снятся». «Охота им языками трепать», — подумал Михаил и приподнялся, расправляя затёкшие руки. Через десять минут, одевшись в обмундирование, снаряжение и проверив личное оружие — пистолет ТТ., и автомат ППШ, Михаил вышел на построение роты. Построилась рота недалеко от фонарного столба с лампочкой. «Смирно-скомандовал громким голосом дежурный по роте старший лейтенант Жеглов Павел Григорьевич-товарищ командир, рота построена, отсутствующих нет. Взвод бронебойщиков построен». «Да тише ты, оглушил совсем. В других подразделениях спят люди. Так что, тише». Подошёл к строю солдат. «Здравствуйте товарищи бойцы. И пожалуйста, тихо». «Здравствуйте, товарищ капитан» — вполголоса поздоровались солдаты. «Налево, шагом марш». И потянулись из деревни. Сначала колонна солдат. Потом обоз нагруженный, под завязку. Состоящий из семи тележек, нагруженных по полной. Колёса телег были обёрнуты ветошью, что бы убрать лишний шум. Ступицы всех телег были смазаны. В конце обоза ехала двуколка, на которой сидели санинструкторша и ездовой. Двуколка как раз проезжала под электрической лампочкой, висевшей на столбе. Татьяна Васильевна встретила глазами с Михаилом и улыбнулась. Михаил улыбнулся в ответ. Он сел на свою лошадь, которую к этому времени уже взнуздal ординарец, и держал её под уздцы. От деревни Мгловка до высоты было два километра. Выйдя из деревни ещё затемно, быстрым темпом преодолели расстояние. Высота эта была господствующей на этой территории. Холм был большой, широкий. Росли деревья и кустарники. Возле северного склона холма текла спокойная, вся заросшая в ивняке и камышах река. На самом холме, были выкопаны окопы. Сначала окопы копались с северной стороны фашистами для обороны от наступающих советских войск. Обустраивались немцы капитально, с блиндажами и укрытиями от обстрелов. Были два дота. Но все это не помогло, когда советские войска штурмом, с нескольких атак овладели высотой. Потом к ним добавились уже наши окопы с южной стороны. Окопы

соединили для круговой обороны. С той поры предпринимались фашистами неоднократные попытки отбить холм. Рота подошла к холму и стала подниматься вверх по склону. Навстречу вышел капитан Симонов Алексей Фёдорович, он был черноволосый, с горбатым носом и покатым лбом. На груди висели два ордена Ленина и орден Красной Звезды. Также висели нашивки о том, что он был тяжело ранен. Михаил Николаевич остановил лошадь, слез и весь оставшийся путь проделал пешком. На дороге, ведущей на холм, капитан Михаил Николаевич Белозёров и сменяемый командир роты встретились. Офицеры обнялись. «Здорово чертяка, как живешь, поживаешь. Не стал здесь дикарём, с марта не виделись». «Здравствуй. Тебя, что ли на смену ко мне. Пойдём, покажу все и расскажу». Офицеры пошли по окопам. «Смотри, Миша здесь вот удобно будет расположить точку для пулемёта «Максим» и вот здесь другую. Здесь батарею для семьдесят пятых, её мне обещали дать в усиление. Устал, честно сказать. Давно говорили что сменяют. Сейчас немцы в последнее время активизировались. Чую, что будет что-то большое. Так что мой совет. Окапывайся и сосредоточь свои усилия на этих направлениях. Пойдём, выпьем по сто грамм за встречу». Войдя в блиндаж, сели за стол. Блиндаж представлял собой перекрытое сооружение. Крыша была изготовлена из брёвен положенных в несколько слоев. Между рядами брёвен была накинута земля и утоптана. Зашли в сам блиндаж. Он представлял собой несколько комнат соединённых между собой переходами. В самой большой комнате. В правом углу от входа располагался очаг-печка, устроенный из перевёрнутого большого бака, в одной из стенок которого были прорезаны дыры для растопки и трубы, в который выходил дым от сгоравших дров который вёл через дыру в потолке блиндажа. На баке в это время в чайнике и кастрюле готовилась еда-чай, и вермишелевый суп с мясом из тушёнки. В этой же большой комнате находился большой стол на несколько человек, рядом находилось пять деревянных табуреток. Стол был застелен газетами, на газетах стояло несколько обеденных приборов со столовыми ложками и кружками. В обеденной тарелке был уже нарезанный хлеб большими кусками. Лежали луковицы лука, клубни чеснока и зелёный лук. Лежало несколько кусочков сахара. Чувствовалось заботливая рука ординарца Симонова. В левом ближнем углу хранилось оружие и боеприпасы, развешанные на гвоздях, вбитых в бревна, которые стояли вертикально, врытые в землю. В правом дальнем углу комнаты лежали личные вещи, снаряжение. В двух соседних комнатах стояли две металлические кровати, доставшиеся в наследство от фашистов. Они были застелены. «Здоровья желаю, товарищ капитан "-поприветствовал ординарец Симонова, по имени Григорий. «Григорий-позвал своего ординарца капитан Симонов-давай к чаю что-нибудь. Конфет каких-нибудь достань, карамелек. Печенья. Где моя фляжка с «Неприкосновенным запасом». Михаил, завидую я тебе. Тебе все лучшее достается, вот и санинструктора девушку отхватил, красавицу и умница видать. Жаль ухожу на отдых, а то познакомил бы меня. А то все время у меня санинструктора мужики. Григорий, собирай вещи уходим на переформирование и отдых. Ну давай за встречу». «Ну, давай двинем. Желаю отдохнуть хорошо. Подлечись».

Через два часа сменив сто сорок пятую роту, расставив дозорных и велел поглубже закапываться в землю.,отрыть окопы для дополнительных огневых точек. Замаскировали все огневые точки от обнаружения фашистскими разведывательными самолетами. Зашёл в блиндаж к санинструктору. Блиндаж был устроен капитально. Блиндаж представлял собой перекрытое сооружение. Крыша была изготовлена из брёвен положенных в несколько слоев. Между рядами брёвен была накинута земля и утоптана. Он представлял собой одну большую комнату. В этой комнате. В левом углу от входа располагался очаг-печка, устроенный из перевёрнутой большой канистры. В одной из стенок которого были прорезаны дыры для растопки и трубы, в который выходил дым от сгоравших дров, который вёл через дыру в потолке блиндажа. Стоял большой стол застеленный клеенкой. На столе в это время стоял алюминиевый чайник, из носика чайника выходил пар. Возле чайника стояли кружки и тарелки чисто вымытые. Возле них лежало несколько чистых столовых и чайных ложек. На маленьком блюде лежало несколько

кусков сахара. В большом корпусе от мины стояли несколько нарванных цветов-среди них были васильки, ромашки, коровяк, смолка и колокольчики. Возле стола было пять табуреток. В комнате на полу было чисто убрано и подметено. Возле стены справа от входа стояла застеленная кровать санинструктора. Возле стены напротив входа стояли впритык две скамьи и три тумбочки. На них было аккуратно сложены шерстяные одеяла, шинели. На тумбочках лежали в разобранном состоянии бинты, вата, разные лекарства и гипсовые повязки. Так же были кюветы, баночки, склянки. На чистой простыне лежали инструменты для первой медицинской помощи в случае ранений и разных непредвиденных обстоятельств. При появлении капитана санинструктор привстала с табуретки, где в это время сидела. «Здравия желаю, товарищ капитан». -приветствовала младший сержант. «Сидите, сидите. Ну как вы здесь, устроились, раненых, удобно ли здесь будет располагать» -отказыав в ответ, промолвил капитан. «Да нормально, всё расставила, как учили. Да и опыт имеется». «Ну, землячка, рассказывай о себе, кто такая? Откуда именно из Москвы? Что заканчивала перед войной?» «Из Москвы, с улицы Урицкого, тридцать восемь, квартира девяносто семь. Училась на метеоролога, хотела попасть на Северный полюс. Посмотреть что там. Да вот пришлось подучиться на санинструктора. Перворазрядница по лёгкой атлетике. Отец —майор НКВД, мать домохозяйка. Я слышала вы Михаил Николаевич, с тысяча девятьсот пятнадцатого года». «Да правильно слышали, сам я тоже из Москвы, с улицы Карла Маркса. Учился на учителя физики и математики.,после действительной поступил. Повоевал на Советско-финской войне. Хотел педагогом стать, да не успел закончить, детей думал учить-это же прекрасная работа, я считаю так -самая прекрасная. Смотришь на детей, глаза у детей, такие любопытные, всё хотят знать, разобраться, что к чему и как, какие законы действуют, во все вникнуть, а тут война. В сорок первом ушёл на фронт добровольцем. Можете меня просто Мишей, Михаилом звать. Тут недалеко речка есть. Так что если желаете, можете искупаться. И девушка вы красивая, желательно поменьше вольности по этому вопросу». « С этим вопросом можете и не подходить, я девушка на этот счёт строгая. Могу и двинуть по сопатке. Не люблю лёгкого поведения. Воспитана так». «Ну и хорошо, отдыхайте. До свиданья».

Вечером, отправил три разведгруппы в тыл врага, с заданием разведать обстановку. Соблюдать тишину и каждая группа после выполнения задания самостоятельно добирается до своих. Разведчики были одеты в маскировочные костюмы. У всех девятиерых разведчиков на вооружении было у каждого бойца автомат ППШ, два запасных диска к автомату, нож-финка и по несколько ручных гранат. Выдали «сухого» пайка на трое суток. В первой группе-Воропаев, Климчук, Воронов. Во второй группе Оганесян, Григорьев, Стукалов. И в третьей Петров, Шимбулатов, Баймуратов. Во всех группах бойцы испытанные, проверенные. Поставил задачу -не шуметь, языка не брать, только визуальный и слуховой контакт. Выдвигались группы к железнодорожной станции, селу Ивантеевка и селу Слюдяное. В полной темноте ушли. Проползли на нейтральную полосу. Нейтральная полоса заросла высокой травой и кустарниками. Воспользовались, тем, что фашисты успокоенные тишиной, ослабили внимание, хотя и продолжали пускать осветительные ракеты и временами обстреливали из пулемётов нейтральную полосу. Подползли к колючей проволоке, на которой висели пустые алюминиевые банки. Надрезали проволоку. Проползли под проволокой. Потихоньку по одному перебрались через окопы фашистов. На той стороне окопов фашистов, разделились на три группы. И ушли выполнять задания. Белозёров стоял в окопе, и временами посматривал на часы. Потихоньку волнение уходило -волновался, что фашисты заметят разведчиков. Возле него стоял солдат с ручным пулемётом.

«Михайлов, как тишина». «Так точно, товарищ капитан. Тишина». «Ну, будем надеяться, что без приключений добрались до безопасной полосы». «Колёк-сказал он ординарцу, опове-

сти, пожалуйста, всех взводных. Что сейчас через двадцать минут совещание у меня. Также и Бахромеева оповести».

Собрал командиров взводов и поставил каждому взводу свою задачу на случай наступления и обороны. Перед тем как лечь спать прогулялся по расположению своих солдат, проверил, как несут дежурство солдаты в дозорах и секретных дозорах и вот возле одного из блиндажей услышал, как солдаты просили спеть ротного запевалу Сергея Удальцова, у которого был приятный голос тенора. Он пел так хорошо что невольно захватывало дух и хотелось слышать, как он поет. Казалось, что он своим пением как бы обволакивает каждого слушателя, успокаивает и придаёт сил. В данный момент он пел песню «Синий платочек»

Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч
Как провожала
И обещала
Синий платочек сберечь
И пусть со мной
Нет сегодня любимой родной
Знаю: с любовью.
Ты к изголовью
Прячешь платочек дорогой

Письма твои получая
Слышу я голос живой,
И между строчек
Синий платочек
Снова встает передо мной
И часто в бой
Провожает меня образ твой
Чувствую рядом:
Любящим взглядом
Ты постоянно со мной
Сколько заветных платочков
Носим в шинелях с собой. ....
Нежные речи
Девичьи плечи
Помним в страде боевой,
За них. Родных,
Желанных, любимых таких,
Строчит пулемётчик-
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих!

Затем бойцы попросили спеть «Катюшу».

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.
Выходила, песню заводила

Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.
Ой, ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет
Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт,
Пусть он Землю бережёт родную,
А любовь Катюша сбережёт.
Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Затем бойцы напоследок попросили спеть «в землянке»

Вьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега.....
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти —четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Все бойцы заплодировали. Кто-то из них сказал: «Эх, Серега тебе бы в консертаторию» Тут же насмешливый голос произнёс —не консертаторию. А консерваторию. «Ну, я же не кончал десятилетку, как ты Мишка. У меня всего-то образования было церковно-приходская у нас в селе, да и то до революций, и то один год всего проучился. Когда Октябрьская произошла, мне всего-то было девять лет». Постояв возле блиндажа, ещё несколько минут, повернулся и пошёл в обратную сторону.

Утро. Туман. Шесть часов. Проходя мимо блиндажа санинструктора, увидел человеческую фигуру в солдатской шинели, накинутой на плечи, подошёл поближе. Это сидела санинструктор на большом, круглом берёзовом полене и думала о чем-то. Кашлянул для приличия. «Не помешаю. Сидите, сидите!!!» «Да вот думаю. Если бы не война. Сейчас закончила бы техникум. И как в дальнейшем сложилась бы судьба, да, как и у остальных бы девушек. Вышла бы замуж, я же ведь люблю детишек. Хочется побольше. Мужа заботливого, внимательного, ласкового и доброго». «Да сейчас добьём гадину фашистскую. И все будет хорошо у всех. Сбудутся все мечты и желания. И все будет хорошо». «Насчёт санитарного положения в роте двое

заболевших простудой. Остальные без жалоб». «Тишина, какая. Птицы поют. Как все спокойно. Как будто и нет войны». Проговорив ещё с полчаса, разошлись. Проходя мимо секретных дозоров. Услышал разговор. Тихо разговаривали два бойца. «Ты Петрова Петра знаешь из второго взвода. Ну шустрый такой, разговорчивый. Подкатывал вечером к нашей новенькой медсестре». «Ну, дальше то что?» «Ну, подкатился, так и укатился! Ребята рассказывали, он как ошпаренный выскочил из блиндажа. И бежать. Потом рассказывал. Долго разговаривали. Начал было зажимать ее. Он только ее хватить. Она как ударила его, как лошадь лягнула. И ведь кулаком стукнула. У него ты не заметил такой большой фингал под глазом. Отлетел аж, метров на три. Схватила котелок с кипятком, и как плеснула. Он бежать». «Ну у страха глаза велики, рядышком, наверное, выплеснула. Серьёзная она, у неё не забалуешь. Видать по ней. Нетакая как некоторые».

В это время в разведке, наши трое ротных разведчиков. Выйдя в поиск и углубившись в положение врага, километров на семьнадцать, вышли к железнодорожной станции. Только что подошёл немецкий грузовой эшелон. Виднелись грузовые вагоны. На платформах виднелись какие-то машины накрытые брезентом. Грузовые машины -стали подъезжать к разгрузке, и в них стали грузить ящики. На разгрузке работали большей частью гражданские лица, привлечённые из местного населения, сопровождаемые полицейскими. В этой разведке были Пётр Воропаев, Иван Климчук, Михаил Воронов. «Давай ребята за мной» -скомандовал Пётр Воропаев-старший сержант в команде разведки. Короткий бросок к отъезжавшей машине от станции. Автомашина отъехала от места разгрузки, проехала шлагбаум, на время остановилась возле больших кустов. Тут-то разведчики и запрыгнули в грузовую, тентованную автомашину. Рывок и в кузов автомобиля. Просмотрели ящики, в ящиках были боеприпасы для пушек и миномётов. Автомашина доехала до дорожного указателя на Ивантеевку. Пользуясь моментом, когда никого не было, на дороге. И дорога как раз сворачивала на Ивантеевку, выпрыгнули из автомобиля и углубились в лес, держа курс на высоту. Вторая группа, которую составляли Григорий Оганесян, Михаил Григорьев и Борис Стукалов вышли к селу Ивантеевка. Это было большое село, в селе было около ста изб. Залегли в кустах и из биноклей стали вести визуальное наблюдение за селом. Также было и слуховое наблюдение. В селе было много фашистов. Стояло несколько автомашин. Борис Стукалов закончивший перед войной Переводческий факультет по немецкому языку Московского Государственного Университета, прослушивал разговоры фашистов. По селу проходили фашистские пехотинцы. На окраинах села, разведчики заметили несколько блокпостов. Проезжали немецкие легковые и грузовые автомобили. К грузовым автомашинам были прицеплены «Сто двадцати миллиметровые» миномёты. Наблюдение прошло без инцидентов. Подождали до того момента пока не стемнело. Затем потихоньку сняли наблюдение и отошли на высоту. Третья группа также без приключений пронаблюдали за селом Слюдяным. В селе стояло девять танков. Ходили немецкие танкисты, ремонтировали танки. Разведчики среди танков заметили несколько новых танков в количестве пяти, не похожих на старые танки.

Тем временем у фашистов. Только что подошедшее свежее подкрепление к фашистам расквартировалось и занималось боевой подготовкой. Десятью девятым батальон моторизованной разведывательной пехоты «Силезских стрелков». Изба. Обыкновенная русская изба. Горница. В горнице-стоит стол. Возле стола три стула. На одном из них сидит высокий офицер в звании гауптмана. Одет офицер в немецкую полевую форму «Силезских стрелков». Встал, снял верхний китель и португеею, повесил на стул. Остался в галифе и спортивной верхней майке, на которой был нарисован орёл Третьего Рейха. Опишем внешность офицера- что он высокий под метр восемьдесят пять, спортивной формы, накачанный офицер, подтянутый. В своё время отдал должное спортивной гимнастике и стрельбе из лука. Выступал за олим-

пийскую сборную Германий на олимпиаде в Берлине в тысяче девятьсот тридцать шестом году. Овальное лицо, небольшая бородка, задумчивые светло-коричневые глаза, большой лоб. За столом сидел в галифе и спортивной майке, оставшейся от выступлений на Олимпиаде. Под майкой было видно, что он накачан, мышцы буграми приподымались то в одном месте то в другом. Сильный пресс. В дверь постучали. Вошёл денщик, в руках он держал поднос с поставленной на неё едой. «Господин капитан ужин» - говорят по-немецки. «Очень хорошо Клаус» «Клаус!» «Да господин капитан». «Когда был ужин в батальоне». «Ужин состоялся в шесть часов вечера, как по расписанию в батальоне». «Теперь солдаты разгружают боеприпасы и ремонтируют технику». «Когда придут танки «Тигр» и «Пантеры», дежурный пусть сразу отчитается». «Так точно, господин капитан». Подошёл к умывальнику, который был повешен возле печки, на отдельно стоявшем бревне, с вырезанными на нем животными, растениями. Помыл руки с мылом, над ведром. И уселся за стол. И начал потихоньку есть. Преподнося ко рту то столовую ложку супа с квашеной капустой, то кусок хлеба. На столе был картофельный салат в глубокой тарелке и стоял алюминиевый чайник с тёплым кофе, на тарелке лежали кусочки хлеба, нарезанные с немецкой педантичностью и аккуратностью и луковицы лука, нарезанные кольцами. Его звали Куртом Вагнером. В дверь постучали. «Да-да кто там. Войдите» – говорят по-немецки. Скрипнула дверь, и на пороге возник посыльный из штаба полка. «Хайль фюрер. Господин капитан, вас просят подойти на совещание к господину полковнику». «Хорошо, сейчас подойду». Через двадцать минут, закончив обед. Оделся в полную форму. Одел китель. На кителе висел железный крест, ещё за компанию против французов. Надел на голову фуражку. Перепоясался португеей. Проверил пистолет «Кольт». Через пятнадцать минут, после непродолжительной прогулки по улице села «Ивантеевка», так называлось русское село- зашёл в дом, где был штаб полка, куда был прикомандирован моторизованный разведывательный батальон Силезских стрелков «Ярость фурий» «Хайль фюрер» -с нацистским приветствием зашёл Курт Вагнер в штаб полка. «Хайль» вскинул руку господин Полковник. Опишем внешность Полковника. Жирный, похож на поставленный, на ножки бочонок пива-которому отдавал большое предпочтение. Лицо лунообразное как в момент полнолуния. На носу висели очки. Жирное, лоснящееся от жира лицо, в данный момент буквально исходило потом. Чёрные волосы спереди были зачёсаны набок. Форма полковника была залита каплями пота и жировыми выделениями. На форме висели три железных креста, в дивизий поговаривали, что если бы не протекция на самом верху Генералитета Фашистской Германий. То ему было бы не видать командования полком а, равно как и трёх железных крестов. Полковника звали Куртом фон Лейбницем. В комнате был ещё один офицер. Также в чине капитана. Но он был строен, подтянут как чисто строевой офицер. Большая комната. В центре комнаты стоял стол, устланный штабными картами. Освещённый большой электрической лампочкой. На картах стояла бутылка Баварского пива, откуда был родом полковник. «Господа офицеры, вы будете взаимодействовать вместе. Познакомьтесь это капитан разведывательного батальона Курт Вагнер, а это капитан Вольф Манштейн, командир пехотного батальона». - говорят по-немецки-указал он на офицера. «Господа офицеры. Сегодня не будет моего начальника штаба, он отъехал в штаб фронта. Я был на совещаний в штабе армий, где мне попало за потерю очень важной высоты. И перед нами поставлена задача, разведка боем и по возможности овладение высотой. Но я решил расширить рамки операций, овладеть высотой, тем более что там стоит поредевшая стрелковая рота русских, затем выйти на дорогу и овладеть селом. Только вчера провели разведку позиций русских на высоте. Данные об поредевшей и ослабленной роте противника подтвердились. Самое время, пока русские не опомнились и не сменили войска. За высотой установлено наблюдение. Над высотой сверху с наших разведывательных самолетов, ведётся наблюдение. Подвоз дополнительных боеприпасов на позиций наших артиллерийских и миномётных батарей производится. Обещана поддержка со стороны командира авиационной дивизий, моего друга. Также обещана поддержка артиллерий дивизий, я

говорю об тяжёлых системах артиллерий. Дальнобойной». «Во сколько начало операций». «Я назначаю начало операций на одиннадцать часов утра. На послезавтра». Попрощавшись с господином полковником, пошли назад, вместе два гауптмана. Дошли до расположения батальона Курта. «Курт, ты откуда родом?». -говорят по-немецки. «Я сам из Силезий, из города Лебена, соскучился по своей родине. А ты откуда?». «А я из столицы, из самого Берлина. После окончания университета, отправился добровольцем служить в Армию. По моей родословной все мои предки служили в Армий». «Может быть, зайдём ко мне, есть несколько бутылок бургундского вина. Посидим. Вольф, обмоем нашу встречу, наше знакомство». «Очень хорошо, Курт. Зайдем, посидим, поговорим». Вошли в дом. Курт отдал распоряжения денщику насчёт вина и закуски. Сели за стол. Потихоньку на столе появились три бутылки вина. Из закуски помидоро-огурцовый салат. Отдельно на тарелке несколько кусков хлеба и несколько кусочков французского сыра. «Курт, откуда прибыл твой батальон?» « Мой батальон прибыл из города Париж-столицы Франции». «Хорошо» «Когда стояли гарнизоном в Париже, а там очень красивые француженки, познакомился с девушкой по имени Жизель. Но, увы, я обвенчан с моей девушкой по имени Берта. Скучаю по ней». «Вольф, а это ничего, что господин полковник решил расширить операцию по захвату высоты, не будет катастрофы?». «Курт если не хочешь проблем по служебной линии, то не нужно подымать этот вопрос, у него говорят покровительство на самом верху Генералитета. Говорят сам Кейтель у него в прямых родственниках. Вся ответственность за судьбу операций ложится на него. Да и перед «Восточной компанией», когда проводился парад-смотр войск, сам фюрер остановился перед ним. Поговорили. Сам фюрер пожелал ему воинских удач в войне». «Всё понятно». «Да, хорошо сидим, быстрее бы война кончилась». " У меня ещё две бутылки Бургундского вина». «За мужскую дружбу и хорошую компанию'». Посидели до поздней ночи, вспоминали, что происходило с каждым из них, пока были гражданскими людьми. И надеялись на будущее. Вскоре после этого легли спать. На следующий день. Курт начал выводить свой батальон на построение. Построил свой батальон и произнёс речь. Солдаты стояли перед своей боевой техникой. Среди техники было тридцать бронетранспортеров, сорок мотоциклов из них двадцать пять были с люльками, где были установлены ручные пулемёты. «Солдаты, мы прибыли из Франций, где мы несли гарнизонную службу. Настала наша очередь, показать всё, что умеем. Да, враг силен. Но мы должны быть сильнее. И не посрамить нашу родину, нашу любимую Силезию, нашу Германию перед нашими соотечественниками. Не посрамям наших славных предков. Мы прибыли сюда, чтобы нести высоко флаг нашей Родины. Да здравствует наша Германия. А сейчас займёмся самым необходимым, ремонтом техники, нашего вооружения, повышением нашего воинского духа. Будем готовиться к встрече с сильным врагом. Зиг». И рёвом восьмисот голосов -« Хайль фюрер». «Разойдись» Началась подготовка к завтрашнему наступлению на высоту. Ремонтировалась техника. Чистили оружие. Священник батальона подымал настроение солдат, и принимал исповедание. Наступила ночь. К господину капитану подбежал посыльный от дежурного офицера по батальону и доложил о прибытии шести танков —четырёх танков «Тигр» и двух «Пантер». «Генрих». -позвал гауптман посыльного. «Господин капитан, слушаюсь». - обратился посыльный к капитану. «Оповести Генрих, всех офицеров батальона о совещаний, у меня через полчаса».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.